

*На правах рукописи*

Воронятов Сергей Вячеславович

**САРМАТСКИЙ И ЮЖНО-БАЛТИЙСКИЙ КУЛЬТУРНЫЕ ИМПУЛЬСЫ В  
ПОСТЗАРУБИНЕЦКИХ ДРЕВНОСТЯХ ГОРИЗОНТА РАХНЫ-ПОЧЕП  
(ВТОР. ПОЛ. I – НАЧ. II вв. н.э.)**

07.00.06 – археология

Автореферат  
диссертации на соискание ученой степени  
кандидата исторических наук

Санкт-Петербург  
2018

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном учреждении культуры  
«Государственный Эрмитаж»

*Научный руководитель:* **Алексеев Андрей Юрьевич**

доктор исторических наук,

Федеральное государственное бюджетное

учреждение культуры

«Государственный Эрмитаж»

*Официальные оппоненты:* **Медведев Александр Павлович**

доктор исторических наук, профессор, федеральное

государственное бюджетное образовательное учреждение

культуры высшего профессионального образования

«Воронежский государственный университет», заведующий

кафедрой археологии и истории древнего мира

**Массалитина Галина Александровна**

кандидат исторических наук, федеральное государственное

бюджетное учреждение «Национальный парк Угра», ведущий

научный сотрудник

*Ведущая организация:* Федеральное государственное бюджетное учреждение науки  
Южный научный центр Российской академии наук

Зашита состоится «\_\_\_» \_\_\_\_ 201 г. в 14 часов на заседании диссертационного совета

Д 022.052.01 при Институте истории материальной культуры РАН по адресу:

Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте (<http://www.archeo.ru/dissovet>)

Института истории материальной культуры РАН.

Автореферат разослан «\_\_\_» \_\_\_\_ 201 г.

Ученый секретарь  
диссертационного совета,  
канд. ист. наук

Нехорошев  
Павел Евгеньевич

## ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

**Актуальность темы.** Кризис зарубинецкой культуры (II в. до н.э. – сер. I в. н.э.), имевший место в первой половине I в.н.э., рядом археологов рассматривается как отправная точка формирования славянских народов. Следовательно, постзарубинецкие памятники вписываются в сложную и многогранную проблему происхождения раннего славянства.

Большинство современных исследователей считают, что основной причиной кризиса классической зарубинецкой культуры стали климатические изменения. Однако вычленение всех культурных составляющих различных групп постзарубинецких памятников на огромной территории показывает их этнокультурную пестроту и сложность процесса распада зарубинецкой культуры. Эти материалы свидетельствуют и о важной роли исторических процессов, в особенности, инокультурных влияний.

В настоящей работе впервые подробно анализируются проявления сарматского и южно-балтийского культурных импульсов, которые, по мнению ряда исследователей, стали причиной кризиса зарубинецкой культуры и способствовали образованию постзарубинецкого горизонта Рахны–Почеп. Рассматривается и современное состояние проблемы соотношения постзарубинецких памятников типа Почеп и юхновской культуры. Актуальным является привлечение немногочисленных, но важных эпиграфических и письменных источников, содержащих косвенную информацию об этнокультурных процессах в южной части ареала древностей горизонта Рахны–Почеп.

**Степень разработанности темы.** В 1980-е гг. ряд авторов высказывал мнение о существенном значении сарматского фактора в обстоятельствах заката классической зарубинецкой культуры. После работы М.Б. Щукина 1986 г., в которой был выделен постзарубинецкий хронологический горизонт Рахны–Почеп, специальных исследований, развивающих идею решающего влияния инокультурных импульсов на финал зарубинецкой культуры, не проводилось. Некоторые положения данной идеи периодически подвергаются критике. В частности, А.М. Обломским, Р.В. Терпиловским и их соавторами оспаривается роль сарматских племен в кризисе зарубинецкой культуры и в последовавших за этим событиях. М.Б. Щукин, не вступая в прямую полемику и не отказываясь от своих гипотез, лишь отмечал, что даже если климатические катаклизмы и повлияли на начало кризиса зарубинецкой культуры, то это не противоречит политическим причинам распада зарубинецкой культуры, о чем свидетельствуют археологический материал и исторические данные. Анализ различных категорий находок на памятниках постзарубинецкого горизонта Рахны–Почеп и рассмотрение некоторых

историко-археологических событий, с ними связанных, заставляет вновь обратиться к теме кризиса классической зарубинецкой культуры и его последствий.

**Хронологические и географические рамки исследования.** Хронологические рамки исследования находятся в интервале сер. I в. н.э. – нач. II в. н.э. Это период раннеримского времени, в котором происходит затухание культур латенской традиции, в том числе зарубинецкой, и появление новых культурных образований, примером которых являются группы постзарубинецких памятников. Исследование затрагивает обширные территории Поднестровья, Южного Побужья, Среднего Поднепровья и Подесенья. Круг приводимых аналогий постзарубинецким материалам относится к территориям Южной Прибалтики, побережья Черного моря и к ареалу среднесарматской культуры в Северном Причерноморье и Приазовье.

**Цели и задачи исследования.** Основной целью данного исследования является выявление и характеристика различных по происхождению этнокультурных компонентов в материалах памятников хронологического горизонта Рахны–Почеп (сер. I – нач. II вв.н.э.) и реконструкция историко-культурных явлений, предположительно ставших причиной их появления. Важной целью является также изучение роли каждого из этих компонентов в общем культурогенезе постзарубинецких древностей и реконструкция на данном основании историко-культурных событий, связанных с образованием горизонта Рахны–Почеп.

Для достижения поставленных целей было необходимо решить следующие **задачи**:

1. Историографический обзор проблемы формирования и принципов выделения горизонта Рахны–Почеп внутри всего массива постзарубинецких древностей.
2. Формирование базы данных памятников горизонта Рахны–Почеп, содержащих инородные этнокультурные компоненты.
3. Систематизация (типология, хронология, картографирование) инородных этнокультурных элементов в материалах постзарубинецких памятников горизонта Рахны–Почеп.
4. Анализ эпиграфических и нарративных источников, имеющих отношение к этнополитическим изменениям в ареале памятников горизонта Рахны–Почеп.

**Научная новизна диссертации.** Впервые выявлены, систематизированы и подробно проанализированы инокультурные компоненты в материалах памятников горизонта Рахны–Почеп, отражающие культурные импульсы из Южной Прибалтики и Северного Причерноморья. Сарматские элементы рассмотрены в рамках актуальной в последние годы темы взаимоотношений населения лесной и лесостепной зон Восточной Европы с кочевниками. Именно сарматам отведена решающая роль в реконструкции

причин трансформации классических зарубинецких древностей в постзарубинецкие. Предпринята попытка реконструкции различных форм социально-политического взаимодействия оседлого постзарубинецкого населения с сарматами в I в. н.э.

Южно-балтийские культурные элементы, в особенности некоторые металлообрабатывающие инструменты и фрагменты украшений со следами их использования, впервые рассматриваются как свидетельства самого раннего этапа проникновения в Среднеднепровский регион ювелирной традиции, представленной пластинчатыми изделиями круга выемчатых эмалей (II–IV вв. н.э.) Впервые в исследовании привлекаются эпиграфические и нарративные источники, ранее не рассматривавшиеся в контексте темы кризиса зарубинецкой культуры. Сделана новая попытка периодизации памятников постзарубинецких групп, которая подтвердила необходимость выделения древностей горизонта Рахны–Почеп, как первоначального этапа развития постзарубинецких памятников. Поставлен вопрос о необходимости в дальнейшем выделения второго хронологического горизонта постзарубинецких древностей, развивающихся после исчезновения памятников горизонта Рахны–Почеп.

**Практическая и научная ценность.** Основные положения работы могут использоваться в научных исследованиях, для написания обобщающих трудов по истории и археологии, в подготовке лекционных курсов по археологии и древней истории, в научно-просветительской и музейной работе.

**Методическая основа исследования** базируется на комплексе приемов работы с археологическим материалом рассматриваемых памятников, который включает в себя выявление инокультурных элементов в коллекциях, их картографирование и систематизацию по типологическим и хронологическим признакам. Сопоставление данных различных категорий археологического материала проводилось с помощью сравнительно-аналитического метода. При поиске аналогий в первую очередь учитывались материалы среднесарматской культуры, соседствующей с группами памятников горизонта Рахны–Почеп. Для поиска параллелей были привлечены материалы культур западно-балтского круга Юго-Восточной Прибалтики и культуры населения античных городов-государств и Боспорского царства. При работе с письменными документами (эпиграфическими и литературными) производился сравнительно-источникovedческий анализ текстов.

**Источниковая база исследования.** Диссертация основана на материалах, хранящихся в Винницком краеведческом музее (г. Винница, Украина), в Институте археологии Национальной академии наук Украины (г. Киев), в Брянском бъединенном Государственном краеведческом музее (г. Брянск), в ОАВЕиС Государственного

Эрмитажа (г. Санкт-Петербург), происходящих из раскопок Славяно-сарматской экспедиции в 2010–2014 гг. В исследовании использованы отчеты о полевых исследованиях, хранящиеся в архиве Института археологии РАН (г. Москва), в архиве Винницкого краеведческого музея, в архиве Института археологии Национальной академии наук Украины (г. Киев). Также к работе привлечены отечественные и зарубежные исследования, где представлены публикации и анализ постзарубинецких материалов горизонта Рахны–Почеп.

#### **Положения, выносимые на защиту.**

1. Древности горизонта Рахны–Почеп (сер. I – нач. II вв. н.э.) появляются в результате взаимодействия зарубинецкой культуры финального этапа развития с различными по происхождению этнокультурными традициями.

2. Первая из этих традиций является сарматской и выражена компонентами культур, присущих населению Северного Причерноморья, в числе которого были сарматские племена. Именно благодаря взаимодействию с сарматами происходило распространение этих компонентов в ареале постзарубинецких поселений.

3. Вторая этнокультурная традиция представлена элементами культур западнобалтского круга, активно проникающими со второй половины I в. н.э. в Среднее Поднепровье с мигрантами из Южной Прибалтики и участвующими в формировании постзарубинецких древностей. Эти элементы, в особенности металлообрабатывающие инструменты и фрагменты украшений со следами их использования, могут рассматриваться как свидетельства самого раннего этапа проникновения в Среднеднепровский регион ювелирной традиции, представленной пластинчатыми изделиями круга выемчатых эмалей (II–IV вв. н.э.).

4. Третья этнокультурная традиция в материалах памятников горизонта Рахны–Почеп проявляется в элементах юхновской культуры предшествующего времени, присутствующих на ряде памятников типа Почеп в Подесенье. Эти элементы не повлияли на формирование постзарубинецких древностей, но обусловили локальную специфику памятников типа Почеп.

5. Выявленные компоненты этнокультурных традиций достаточно четко определяют хронологическую позицию древностей горизонта Рахны–Почеп только на начальном этапе (сер. I – нач. II вв. н.э.) продолжительного периода существования всего круга постзарубинецких древностей (сер. I – конец II вв. н.э.). При дальнейшей разработке проблематики может быть выделен второй хронологический горизонт эволюции этих древностей.

**Степень достоверности** исследования базируется на том, что анализ материала построен на проверяемых материальных свидетельствах и согласуется с опубликованными работами по постзарубинецкой тематике. Результаты исследования получены с помощью методически корректных подходов к изучению археологического материала происходящего с территории Южного Побужья, Среднего Поднепровья и Подесенья.

**Апробация результатов исследований.** Основные положения настоящей работы и отдельные ее аспекты обсуждались на заседаниях Отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург 2015, 2016), Славяно-финского отдела ИИМК РАН (Санкт-Петербург 2015, 2016), на конференциях в Гомеле (2004), Санкт-Петербурге (2006, 2008, 2010), Туле (2006, 2008), Краснодаре (2009), Ростове-на-Дону (2011), Уфе (2014), а также нашли отражение в ряде научных публикаций.

## СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Работа состоит из Введения, 7 глав и Заключения.

Во **Введении** обсуждается проблема выделения постзарубинецкого горизонта Рахны–Почеп, причины и условия его образования. Также обосновывается актуальность темы, определяются цели и задачи исследования, устанавливаются хронологические и географические рамки, описываются используемые источники и обосновывается научная новизна работы.

В **Главе 1. История изучения кризиса зарубинецкой культуры** рассматриваются основные вехи изучения постзарубинецких групп памятников и гипотезы причин заката классической зарубинецкой культуры. Первую группу памятников стало возможным выделить в 1950-е гг. после исследований Ф.М. Заверняевым и А.К. Амброзом ряда селищ в Среднем Подесенье. Эпонимным для деснинской группы памятников стало Почепское селище – наиболее исследованное в настоящее время и выделяющееся среди синхронных поселений Восточной Европы представительной серией индивидуальных находок. В 1960-е гг. П.И. Хавлюком исследуется группа селищ и могильник в бассейне Южного Буга. Эти памятники впоследствии были объединены в группу Рахны. Выделению третьей группы предшествовали исследования В.Н. Даниленко, В.И. Бидзили и С.П. Пачковой в Среднем Поднепровье.

Раскопки Е.В. Максимова в 1970-е гг. на ряде городищ в Среднем Поднепровье позволили выдвинуть гипотезу о решающей роли сарматского вторжения в процессах заката классической зарубинецкой культуры и появления постзарубинецких памятников

за пределами ее ареала. Гипотеза Е.В. Максимова была поддержана и дополнена П.Н. Третьяковым, К.В. Каспаровой и М.Б. Щукиным. Последний рассматривал последствия кризиса зарубинецкой культуры в контексте историко-культурных явлений гораздо большего масштаба, чем появление очередной волны кочевников в Среднем Поднепровье. В материалах постзарубинецких древностей на территории от Днестра до Десны исследователь выделил хронологический горизонт (втор. пол. I – нач. II в. н.э.), названный им Рахны–Почеп по двум наиболее исследованным памятникам. Образование данного горизонта произошло под воздействием двух культурных импульсов – южного сарматского и северо-западного вельбаркского. В начале 1990-х гг. появилась еще одна гипотеза о причинах заката классической зарубинецкой культуры и появления постзарубинецких групп памятников. А.М. Обломский с соавторами подвергли критике концепцию сарматского нашествия и посчитали климатические изменения основной силой, повлиявшей на прекращение функционирования зарубинецких могильников и опустение зарубинецких городищ. В работах последних лет авторы детализировали свою гипотезу.

**В Главе 2. Постзарубинецкие группы памятников и горизонт Рахны–Почеп** освещаются современные представления исследователей о постзарубинецких группах памятников. Даётся краткая характеристика каждой из групп и их отношение к горизонту Рахны–Почеп. Также в главе рассматривается современное понимание термина «горизонт Рахны–Почеп». С начала 1990-х гг. это понятие стало восприниматься как ни к чему не обязывающая альтернатива определениям – «позднезарубинецкие памятники» и «постзарубинецкая эпоха». Данное представление является ошибочным, поскольку не учитывает условий и причин образования горизонта Рахны–Почеп. Хронологический промежуток существования этого горизонта, по М.Б. Щукину (втор. пол. I – нач. II в. н.э.), не перекрывает всего периода постзарубинецкой эпохи (втор. пол. I – конец II в. н.э.), и, соответственно, памятники, появившиеся позже времени формирования горизонта Рахны–Почеп, несколько отличаются от него [Воронятов, 2014а].

Таким образом, в исследовании используются памятники с зарубинецкой основой, которые появились в середине I в. н.э. и закончили свое существование в начале II в.н.э. Они характеризуются присутствием в материалах находок, связываемых с сарматским и южнобалтийским культурными импульсами. Это памятники постзарубинецких групп типа Почепа, Рахны и Лютеж, которые и должны быть объединены в один хронологический горизонт.

**В Главе 3. Роль сарматских племен в формировании горизонта Рахны–Почеп** представлен анализ находок, характерных для культуры населения побережья Черного

моря и среднесарматской культуры, обнаруженных на памятниках горизонта Рахны-Почеп. Глава состоит из семи разделов. Материалы и объекты, которые можно связать с культурой населения побережья Черного моря и среднесарматской культурой, обнаружены на 17 постзарубинецких памятниках, входящих в группу Рахны (6 селищ и 1 могильник), группу Почеп (5 селищ), в группу Лютеж (3 селища) и в группу Суботов (1 городище и 1 могильник).

В разделе **3.1. Взаимоотношения населения классической зарубинецкой культуры и сарматов** рассматриваются немногочисленные свидетельства контактов обитателей зарубинецких городищ и сарматов в период до рубежа эр. Они представлены зарубинецкой керамикой и фибулами в сарматских погребениях некрополей у сел Львово, Тимофеевка, Каиры, Сергеевка, Аккермень, Лучкова и хут. Хмилына северопричерноморских степей. Особую группу памятников составляют подкурганные кремации с зарубинецко-сарматским инвентарем у г. Лубны, у сел Верхняя Мануйловка, Дьяченки, Михайловка и Лозивок на территории Украины. Еще одним источником являются несколько погребений зарубинецкого могильника Пирогов, одиночное погребение и зарубинецкое городище Бабина Гора, в материалах которых присутствует сарматская керамика и детали поясов. Перечисленные свидетельства контактов неоднократно анализировались Е.В. Максимовым, А.В. Симоненко, М.В. Любичевым и другими исследователями.

Материалы, которые свидетельствуют о возрастании интенсивности контактов зарубинецкой культуры и кочевников, относятся к рубежу эр и первой половине I в. н.э., когда в Среднем Поднепровье появляется новая «восточная волна» сарматских племен [Воронятов, 2012а]. С ней связывается гибель ряда зарубинецких городищ, отразившаяся в следах пожаров, следах подновленных укреплений и в находках трехлопастных наконечников стрел в земляных валах Ходосовского городища и городища Бабина Гора.

В разделе **3.2. Изделия из египетского фаянса** анализируются находки бус и пронизей из египетского фаянса на памятниках горизонта Рахны-Почеп. Подобные изделия присутствуют среди материалов селищ Носовцы и Рахны, могильнике Рахны в Южном Побужье, среди материалов Почепского селища в Подесенье и материалов Суботовского могильника в Поднепровье. Бусы и пронизи из египетского фаянса были широко распространены не только среди населения античных городов Северного Причерноморья, но также были популярны у кочевников среднесарматской культуры в I – нач. II в. н.э. Поскольку в отдельных сарматских погребениях и могильниках (Усть-Каменский, Мокра, Могильно, Калантаево, Ружичевка и др.), соседствующих с памятниками горизонта Рахны-Почеп, обнаружены изделия из египетского фаянса,

делается вывод о том, что они попали к постзарубинецкому населению при контактах с сарматами [Воронятов, 2011]. В разделе также акцентируется внимание на том, что в среднесарматской культуре бусы и пронизи из египетского фаянса в подавляющем большинстве случаев встречены в погребениях женщин и детей. Эта закономерность позволяет предположить, что у обитателей постзарубинецких поселений существовал определенный тип взаимодействия с кочевниками, который не исключал матrimonиальные связи. Такого рода связи исследователи считают явлением, сопутствующим данническим отношениям номадов с окружающими их оседлыми племенами.

В разделе **3.3. Фибулы и другие металлические украшения** рассматриваются кольца-амулеты, подвески, браслеты, гравны и фибулы, обнаруженные на памятниках горизонта Рахны-Почеп и характерные для культуры населения городских центров побережья Черного моря и среднесарматской культуры Северного Причерноморья, Приазовья и Верхнего Подонья (I – пер. пол. II в. н.э.). Больше всего перечисленных предметов присутствует на южнобужских памятниках: Рахны (селище и могильник), Марьиновка, Пархомовка. Также они обнаружены на поселениях Поднепровья – Таценки, Суботов (городище и могильник) и Подесенья – Почепское селище. Аналогии сильно профилированным, шарнирным, лучковым фибулам и фибулам с кнопкой на конце приемника находятся в сарматских погребениях Поднестровья, Поднепровья, Подонья и в некрополях Крымского полуострова. Кольцам-амулетам с шишечками, подковообразным и колоколовидным подвескам, браслетам с расплющенными концами и витой гравне соответствуют аналогичные находки из могильников кочевников на территории Северного Причерноморья. Таким образом, делается вывод о том, что рассмотренные украшения попадали к постзарубинецкому населению благодаря контактам с сарматским миром [Воронятов, 2012а].

Раздел **3.4. Краснолаковая и другая импортная керамика** посвящен находкам фрагментов краснолаковой, сероглиняной гончарной посуды и амфорной тары на памятниках горизонта Рахны-Почеп. Отдельные обломки краснолаковых сосудов обнаружены на селищах Пархомовка, Почеп, Спартак, и в материалах Суботовского городища и могильника. Анализируя столовые (лощенные) миски постзарубинецких памятников, исследователи пришли к выводу, что именно краснолаковые тарелки были их прототипами. Немногочисленные находки фрагментов краснолаковой керамики на постзарубинецких поселениях укрепляют этот вывод. Сероглиняная гончарная посуда обнаружена среди инвентаря погребений могильника Рахны и среди материалов селищ Пархомовка и Почеп. Находки фрагментов амфорной тары встречены на селищах

Марьиновка, Пархомовка, Ометинцы, Рахны и среди погребального инвентаря могильника Рахны. Рассматривая перечисленный импортный материал, исследователи обычно констатируют связи постзарубинецких поселений с Северным Причерноморьем. Однако аналогичная керамика была широко распространена у кочевников среднесарматской культуры, чей ареал разделял античные города-государства Северного Причерноморья и Приазовья и области обитания постзарубинецкого населения в Южном Побужье, Среднем Поднепровье и Подесенье. В связи с этим делается вывод о том, что импортные керамические изделия в эти регионы попадали при посредничестве сарматов.

В разделе **3.5. Сарматские тамги в лесной зоне** рассматривается чернолощеная миска с процарапанным на внутренней поверхности дна тамгообразным знаком, обнаруженная на Почепском селище. Б.А. Рыбаков и А.К. Амброз, исследовавшие подобные изображения, посчитали почепский знак языческим раннеславянским символом. Однако практика изображения тамг на внутренней поверхности дна керамических и металлических сосудов в I – пер. пол. II в. н.э. существовала у сарматов [Воронятов, 2009б]. Исходя из этого, делается предположение, что знак на почепской миске является имитацией сарматской тамги, изображение которой было сделано под влиянием традиции среднесарматской культуры [Воронятов, 2008а]. Данный вывод укрепляет недавно изученный «лесной круг» сарматских тамг, сформированный находками втор. пол. II – пер. пол. III в. н.э. с памятников мошинской и позднедьяковской культур. Бронзовые подвески и поясные накладки с тамгами обнаружены на городищах Мошины, Серенск, Дьяково, Луковня I и поселении Солодка I [Воронятов, 2008б]. Они свидетельствуют об однократном культурном импульсе из сарматского мира. Исследователи предполагают, что этот импульс исходил с территории Верхнего Подонья. Но нельзя исключать, что он проник в лесную зону Окского региона из Среднего Поднепровья через памятники постзарубинецкого горизонта Рахны-Почеп в Подесенье [Воронятов, 2012б].

В разделе **3.6. Следы юртообразной постройки Почепского селища** интерпретируются остатки необычного сооружения, открытого Ф.М. Заверняевым при раскопках Почепского селища во второй пол. 1950-х гг [Воронятов, 2004]. В те годы круглая форма котлована диаметром около 5 м позволила говорить о культовом характере постройки. Современные специалисты в области домостроительства постзарубинецкой эпохи – Г.Л. Земцов и Ю.Ю. Башкатов либо не рассматривают эту необычную постройку в своих работах, либо говорят о сложности поисков аналогий уникальному сооружению. Однако если в решении задачи отталкиваться от формы котлована, то территория и культурная область поисков может расшириться за счет немногочисленных следов

круглых жилищ сарматов. Изображение юрты в росписи склепа Анфестерия в Керчи свидетельствует о том, что сарматы использовали именно такой круглый тип. Аналогиями круглого сооружения Почепского селища являются постройки Чертовицкого III городища в Верхнем Подонье. Находки, сделанные в заполнениях этих построек, подтверждают атрибуцию сооружений в качестве сарматских юрт. В одном из таких жилищ Чертовицкого III городища обнаружен кувшин с сарматской тамгой на ручке и курильница. В заполнении почепской круглой постройки была найдена пронизь из египетского фаянса – популярное украшение сарматских женщин [Вороняков, 2012б].

В разделе **3.7. Металлургические центры горизонта Рахны-Почеп** рассматриваются причины появления памятников, которые интерпретированы исследователями как специализированные металлодобывающие поселки. В условиях распада зарубинецкой культуры и образования постзарубинецкого горизонта Рахны-Почеп возникновение таких крупных металлургических центров, как Лютеж в Среднем Поднепровье и Умань I, II, выглядит совершенно необъяснимым. Огромное количество металлургического сырья, производимого данными центрами, должно было иметь круг сбыта и потребления. Такими потребителями, скорее всего, были сарматские племена, новая волна которых появилась в Среднем Поднепровье к середине I в. н.э. [Вороняков, Еременко, 2006].

Ситуация, при которой оседлое население становится данником кочевников и выполняет повинность производством железа, зафиксирована письменными источниками и археологическими материалами. Широко известно сообщение римского историка Тацита о котинах и осах – народах, живущих в Карпатском регионе: «Часть податей на них, как на иноплеменников, налагают сарматы, часть квады, а котины, что еще унизительнее, добывают к тому же железо» [Tac. Germ. 43]. Политические события в Северном Причерноморье допускают подобную ситуацию во взаимоотношениях постзарубинецкого населения горизонта Рахны-Почеп и сарматов. Металлургический центр Умань I, II расположен на гипотетической территории сарматского «царства» Фарзоя, а еще один металлургический центр – Лютеж – на его периферии. Поэтому можно предполагать, что покорение сарматами зарубинецкого населения Среднего Поднепровья – бастарнов, переселение их в Южное Побужье и образование сарматского «царства» – звенья одной цепи: именно это зависимое население было данником Фарзоя, обязанным изготавливать для него железо.

Описанный механизм взаимоотношений кочевников с оседлым населением в Северном Причерноморье в I в. н.э. не является чем-то оригинальным. Похожая система взаимодействия описана Б.А. Раевым для Кубанского региона и А.П. Медведевым для

территории Верхнего Подонья [Воронятов, 2009а]. Данный тип взаимоотношений укладывается в классификацию форм зависимости оседлых обществ от кочевников, разработанную А.М. Хазановым и Н.Н. Крадиным. Постзарубинецкое население горизонта Рахны-Почеп, в зависимости от точности реконструкций, в классификации А.М. Хазанова можно поместить между «данничеством» и «созданием земледельческого и ремесленных укладов» [Воронятов, 2014в]. Таким образом, именно необходимость выплаты дани могла стать главной причиной начала массового производства железа на металлургических центрах горизонта Рахны-Почеп, расположенных рядом с источниками сырья в Среднем Поднепровье и Южном Побужье [Воронятов, Еременко, 2013].

**В Главе 4. Бастиарны элогия Тита Плавтия Сильвана и памятники типа Рахны** анализируется информация, заключенная в надгробной надписи, составленной по случаю смерти государственного деятеля Римской империи, легата провинции Мезии (55–66 гг. н.э.) – Плавтия Сильвана. Гидронимы, топонимы и этнонимы, фигурирующие в эпиграфии, представляют значительный интерес для изучения политических процессов в Северо-Западном Причерноморье во втор. пол. I в. н.э.

В разделе 4.1. **Бастиарны** освещается вопрос локализации племени бастиарнов, знатные представители которого, согласно тексту эпиграфии, были освобождены из плена Плавтием Сильваном. Размещение бастиарнов в Верхнем Поднестровье обычно не подвергается сомнению. Но поскольку целым рядом исследователей зарубинецкая культура отождествляется с бастиарнами, есть основания предположить, что представители одной из постзарубинецких групп памятников горизонта Рахны-Почеп попали в поле зрения и деятельности легата Мезии Плавтия Сильвана. Наиболее приближенными к области действий римлян в 60-е гг. н.э. постзарубинецкими памятниками являются древности типа Рахны, расположенные в бассейне Южного Буга и на левобережье Днестра. Поскольку материалы данной группы памятников носят отчетливые следы тесного взаимодействия с сарматами, а сама группа находится на территории «царства» Фарзоя, можно предполагать, что Плавтий Сильван освобождает тех заложников из племени бастиарнов, которые были захвачены в плен сарматами при покорении этого племени и выстраивании даннических взаимоотношений с ним. Таким образом, бастиарны эпиграфии Плавтия Сильвана отождествляются с населением постзарубинецкой группы поселений типа Рахны [Воронятов, 2013].

В разделе 4.2. **Поход Плавтия Сильвана** рассматривается вопрос достоверности сухопутной части маршрута похода римского военного контингента к Херсонесу, в ходе которого могли произойти столкновения с сарматами «царства» Фарзоя и освобождение пленников из племени бастиарнов. Для доказательства такой возможности

рассматриваются свидетельства потрясений и изменений в жизни Нижнедунайских поселений и городов, приводятся результаты исследований остатков римских лагерей в Буго-Днепровском регионе, привлекаются данные античной картографической традиции. Сумма приведенных доказательств свидетельствует в пользу существования сухопутной части пути Плавтия Сильвана, во время движения по которой и были осуществлены описанные в тексте эпиграфии деяния [Воронятов, 2013].

**В Главе 5. Роль южно-балтийского культурного импульса в формировании горизонта Рахны-Почеп** представлен анализ вещей, связываемых с культурами западнобалтского культурного круга и обнаруженных на памятниках горизонта Рахны-Почеп. Глава состоит из четырех разделов. Материалы, связанные с южно-балтийским культурным импульсом, обнаружены на 7 памятниках, входящих в группу Рахны (1 селище и 1 могильник), группу Почеп (3 селища) и группу Лютеж (2 селища).

В разделе **5.1. Глазчатые и другие западные типы фибул** рассмотрены типы застежек, которые появляются на территории горизонта Рахны-Почеп в середине I в. н.э. Поздние варианты глазчатых фибул основной и «прусской серии» считаются основным хронологическим индикатором горизонта Рахны-Почеп. Фибулы основной и «прусской» серии были обнаружены в пяти погребениях могильника Рахны в Южном Побужье, среди материалов поселений Лютеж и Таценки-4 в Среднем Поднепровье и среди материалов селищ Синьково и Курово-б в Подесенье. В область горизонта Рахны-Почеп глазчатые фибулы проникали из Южной Прибалтики, вместе с группами переселенцев, через территорию Белоруссии, на юго-западе которой сконцентрировано подавляющее большинство находок. Распространение этих фибул не ограничивалось постзарубинецким населением. Отдельные экземпляры попадали в сарматский мир. Глазчатые фибулы основной серии известны среди материалов погребения могильника у с. Молога Одесской области и погребения некрополя Кобякова городища на Нижнем Дону.

Кроме глазчатых фибул на памятнике постзарубинецкого горизонта Рахны-Почеп найдены фибулы, которые можно связать с контактами западного направления. Фибулы типов A236 и A69 (по типологии О. Альмгрена) с селища Марьиновка в Южном Побужье не встречаются у сарматов, но находят аналогии среди материалов Херсонеса и Пантикопея. Западное влияние прослеживается и в оформлении позднелатенских фибул, найденных на Почепском селище. Их иглоприёмники имеют несколько сквозных отверстий или наколов, что свидетельствует о знакомстве мастеров с фибулами типа A68, широко распространенными в Центральной Европе в раннеримское время.

В разделе **5.2. Южно-балтийские импорты Почепского селища** уделено внимание нескольким находкам южно-балтийского происхождения, обнаруженным на

Почепском селище в Подесенье. «Маркоманская» пряжка типа 14 группы А, по классификации Р. Мадыды-Легутко, характерна для погребальных комплексов пшеворской и оксывской культур и датируется I в. н.э. Попасть на территорию горизонта Рахны-Почеп данное изделие могло из Южной Прибалтики в контексте рассматриваемого культурного импульса. К предметам южно-балтийского происхождения также относится железный пинцет. Этот тип вещей, не характерный для постзарубинецких древностей, был широко распространен в культурах западно-балтского круга и в Центральной Европе римского времени. Еще одним предметом того же происхождения является фрагмент пластинчатой орнаментированной гривны (венчика), аналогии которой присутствуют в погребальных комплексах могильников Гриневичи-Вельки в Подлясье, Сандраусишке в Литве и Красный Маяк в Нижнем Поднепровье. Фрагмент гривны является ранним образцом пластинчатых украшений, которые впоследствии будут широко представлены среди изделий круга выемчатых эмалей.

В разделе **5.3. Металлообработка на памятниках горизонта Рахны-Почеп** анализируются следы и находки, связанные с металлообрабатывающим ремеслом и неизвестные в классической зарубинецкой культуре. Вещи, относящиеся к металлообрабатывающему ремеслу, известны среди материалов селища Лютеж (ювелирное зубильце и тигель), селища Синьково (тигли, капельки бронзы, обмазка кузнечных горнов) и Почепского селища (тигли, лячки, фрагменты молотков, ювелирное зубильце и пуансон). Подробно рассмотрены остатки металлообрабатывающей мастерской Почепского селища, где были обнаружены следы сыродутного горна и печи, небольшие крицы и два тигля с отпечатками от щипцов. Уникальным инструментом этого памятника является железный пуансон с S-видным рабочим торцом. Он позволял оставлять характерные следы на мягком металле. Подобные следы не встречаются в материалах зарубинецкой культуры, но присутствуют на ранних пластинчатых украшениях круга выемчатых эмалей, датируемых второй половиной II в. н.э. Это соответствие позволяет поднять вопрос о корректировке нижней хронологической границы даты пластинчатых украшений круга выемчатых эмалей. Технические характеристики таких инструментов, как фигурный пуансон Почепского селища, позволяют сделать вывод о том, что на территорию постзарубинецкого горизонта Рахны-Почеп высококачественный инструмент попадал извне. Возможно, его с собой приносили те группы мигрантов, вместе с которыми в Днепровский регион проникали и глазчатые фибулы. Это предположение свидетельствует, что ювелирные традиции раннего этапа развития вещей круга варварских выемчатых эмалей были впервые привнесены в результате южно-балтийского культурного импульса [Воронятов, 2014б].

В разделе **5.4. Пряслица с широким каналом** обращается внимание на одну из традиций изготовления пряслиц, которая, согласно исследованиям О.А. Шаровой, возникает в I в. н.э. на территории горизонта Рахны-Почеп, а конкретнее, на памятниках Подесенья и Среднего Поднепровья. Данная традиция представлена изделиями с тонкими стенками, заостренными формами, вогнутыми гранями и широким каналом. После исчезновения памятников горизонта Рахны-Почеп в начале II в. н.э. традиция изготовления таких пряслиц продолжает существовать на территории Подесенья, Посожья, междуречья Десны и Днепра, в Поочье, в Белорусском Поднепровье, т.е. там, где в это время расцветает ювелирная традиция восточноевропейских выемчатых эмалей. Истоки данной традиции изготовления пряслиц не ясны, но можно предположить, что они связаны с процессами, спровоцированными южно-балтийским культурным импульсом. Поводом к такому мнению послужило наблюдение за формой пряслиц памятников типа Рахны в Южном Побужье, где влияние южно-балтийского импульса ощущается слабее, чем на территории Поднепровья и Подесенья. Пряслица с широким каналом среди материалов памятников типа Рахны не известны. В данном регионе бытовали пряслица, изготовленные из стенок сосудов. Также здесь известно сарматское пряслице.

В разделе **5.5. Южно-балтийские элементы как культурно-хронологические индикаторы постзарубинецких древностей** акцентируется внимание на том, что южно-балтийские элементы присутствуют не только в материалах памятников Рахны-Почеп. Они являются неотъемлемой частью всех постзарубинецких древностей и разбиваются на две хронологические группы. В одну из них попадают элементы, характерные для памятников горизонта Рахны-Почеп (втор. пол. I – нач. II вв. н.э.) – центрально-европейские импорты Почепского селища, глазчатые фибулы основной серии. Такие элементы, как пластинчатые украшения и глазчатые фибулы «прусской» серии продолжают существовать и в материалах постзарубинецких памятников, появляющихся после исчезновения древностей горизонта Рахны-Почеп. На памятниках второго периода (сер. II – нач. III вв. н.э.) фиксируются новые культурно-хронологические индикаторы, которые, являясь интегрирующими типами для постзарубинецких групп памятников типа Картамышево II – Терновки 2 и типа Шапкино II, отличают их от древностей горизонта Рахны-Почеп. Данные вещи представлены ранними типами литых изделий круга выемчатых эмалей (вещи с эмалью и без нее) и столовой керамикой с орнаментацией, присущей посуде оксывской, пшеворской и вельбаркской культур.

Таким образом, южно-балтийские культурные импульсы периодически достигают днепровского региона в течение I – II вв. н.э. и оказывают существенное влияние на

процесс формирования и развития постзарубинецких древностей на всем протяжении их существования.

**В Главе 6. Соотношение памятников типа Почеп с юхновской культурой** освещается современное состояние проблемы синтеза постзарубинецких и юхновских элементов в материалах памятников типа Почеп в Подесенье. Выдвинутая А.К. Амброзом в 1960-е гг. идея о юхновской подоснове почепских памятников нашла поддержку далеко не у всех заинтересованных в проблематике исследователей. П.Н. Третьяков считал юхновский компонент незначительным и отмечал, что А.К. Амброз его необоснованно преувеличил. Исследователь Почепского селища – Ф.М. Заверняев возражал против идеи А.К. Амброза и подкреплял свое мнение отсутствием каких-либо юхновских элементов в материалах эпонимного памятника. Современные исследователи – А.М. Обломский и Р.В. Терпиловский разделяют взгляды А.К. Амброза и считают, что такие элементы юхновской культуры, как керамика и приемы домостроительства характерны для всех памятников типа Почеп. Однако анализ существующих реконструкций длинных юхновских домов на Почепском селище показывает, что данные реконструкции не имеют оснований [Воронятов, 2012в]. Работа с керамической коллекцией памятника не вывела фрагментов юхновской керамики. Последние исследования юхновской культуры Д.В. Каравайко не учитывают юхновский компонент деснинских постзарубинецких памятников, поскольку исследователь считает их сомнительными и не заслуживающими внимания. Д.В. Каравайко допускает, что постзарубинецкие переселенцы могли не встретить в Подесенье представителей юхновской культуры, поскольку последняя уже прекратила свое существование.

Следует констатировать, что на сегодняшний день существуют две противоположные точки зрения на юхновский компонент в культуре постзарубинецких памятников типа Почеп. Первая, высказанная А.К. Амброзом, поддерживается рядом современных исследователей и постулирует глубокий синтез двух культур. Вторая принадлежит Д.В. Каравайко и заключается в серьезных сомнениях на счет их взаимодействия. Возможно, к данным точкам зрения можно добавить третью, избегающую крайностей. Поскольку в Подесенье существуют постзарубинецкие памятники с юхновскими компонентами (Синьково, Железное, Синьково-Дмитрово, Синин 8, селище в устье р. Гасомы, верхние слои Полужского городища) и памятники без них (Почепское селище), то можно предположить, что постзарубинецкие переселенцы могли в ряде случаев контактировать с остатками местного населения, но эти контакты не оказали существенного влияния на облик памятников типа Почепа.

**В Главе 7. Проблема периодизации постзарубинецких древностей** описано современное состояние хронологии различных групп постзарубинецких памятников. Хронологический горизонт Рахны–Почеп, протяженностью приблизительно 50–75 лет с середины I в. н.э., совпадает лишь с начальным отрезком постзарубинецкой эпохи. Из этого следует, что, вероятно, в перспективе следует поставить вопрос о необходимости выделения второго хронологического горизонта, в рамках которого продолжают эволюционировать постзарубинецкие древности, сменяющие горизонт Рахны–Почеп и существующие до появления киевской культуры на рубеже II – III вв. н.э. [Воронятов, 2014а. С. 134–138]. Анализ постзарубинецких древностей Днепровского Левобережья и Прихоперья дает возможность выделять такой хронологический горизонт, который существует в рамках позднезарубинецкой эпохи, но не синхронен древностям горизонта Рахны–Почеп. Кроме того, что два позднезарубинецких горизонта различаются временем своего существования, не совсем совпадает и их территория. Как показывает выполненное исследование, отличаются и особенности материальной культуры памятников двух хронологических горизонтов. Северо-причерноморские (сарматские) компоненты, характерные для древностей горизонта Рахны–Почеп, невозможно увидеть на памятниках Днепровского Левобережья и Прихоперья. Это связано с серьёзными изменениями в степном мире в первой половине II в.н.э. Но зато на этих памятниках появляются литые украшения круга выемчатых эмалей, в том числе и собственно вещи с эмалью, которые пока не известны на памятниках горизонта Рахны–Почеп. Также существенной чертой развития памятников Днепровского Левобережья и Прихоперья второй половины II в.н.э. является продолжающееся ощутимое южно-балтийское влияние, выраженное в ранее не встречающихся типах керамического материала – фрагменты сосудов с «пшеворской», «оксывской» или «вельбарской» орнаментацией.

Изложенные различия памятников двух горизонтов свидетельствуют о сложности и многоэтапности путей эволюции постзарубинецких древностей. Только учитывая данные особенности и хронологические нюансы различных групп памятников мы можем наиболее объективно реконструировать чрезвычайно запутанный исторический процесс в Среднем Поднепровье в первых веках н.э.

**Заключение.** Проделанная работа выявила в материалах памятников горизонта Рахны–Почеп инородные элементы, связанные с сарматским и южно-балтийским культурными импульсами, которые оказали существенное влияние на формирование данного горизонта.

Элементы, присущие среднесарматской культуре и культуре населения городских центров Северного Причерноморья, на постзарубинецких памятниках представлены

бусами и пронизями из египетского фаянса, сильнопрофилированными, шарнирными, лучковыми фибулами и фибулами с кнопкой на приемнике, кольцами-амулетами с шишечками, различными подвесками, экземплярами гривен и браслетов, фрагментами импортной южной керамики и подражаниями ей. Распространение перечисленных элементов у постзарубинецкого населения происходило в результате контактов с представителями сарматских племён. Как показали проанализированные в работе явления, эти контакты выражались в зависимости оседлого постзарубинецкого населения от кочевников, при посредничестве которых эти вещи проникали из Северного Причерноморья на север, в лесную и лесостепную зону Восточной Европы. Аналогии всем рассмотренным предметам найдены в погребениях среднесарматской культуры на территории от Днестра до Дона. Большинство выразительных аналогий сконцентрировано в могильниках Среднего Поднепровья и Нижнего Дона, что согласуется с гипотезой Д.А. Мачинского о продвижении сарматских племен от Дона к Днепру в середине I в. н.э. и с теорией «сарматского нашествия» Е.В. Максимова, заключающейся в разгроме зарубинецких городищ Среднего Поднепровья сарматами и их последующем влиянии на постзарубинецкое население.

Выделяются среди инокультурных элементов на постзарубинецких памятниках и такие редкие для самой среднесарматской культуры явления, как тамгообразный знак на дне керамического сосуда и следы юртообразной постройки на Почепском селище. Известны лишь семь памятников в Северном Причерноморье, среди материалов которых присутствуют керамические миски или тарелки с изображением сарматской тамги на внутренней поверхности дна. Только два из них являются погребениями собственно среднесарматской культуры. Постзарубинецкие памятники Подесенья могли быть промежуточным звеном для проникновения традиции использования тамг на территорию мощинской и позднедьяковской культур лесной зоны, в которых данная традиция оставила выразительные археологические материалы.

Следы юртообразных построек на сегодняшний день известны только в наиболее хорошо изученной контактной зоне сарматов с оседлым населением – в Верхнем Подонье. Изображение сарматской юрты зафиксировано в росписях боспорских склепов и может служить косвенной аналогией для реконструкции сооружения, следы которого зафиксированы на Почепском селище.

Кроме перечисленных элементов и явлений, с системой взаимоотношенийnomадов и обитателей постзарубинецких поселений горизонта Рахны–Почеп связано появление и функционирование металлургических центров, представленных такими памятниками, как Лютеж, Умань I и II. Бурный расцвет металлопроизводства в условиях распада

классической зарубинецкой культуры находит логическое объяснение в одной из распространенных в древности моделей взаимодействия номадов с окружающим их оседлым населением. Эта модель предусматривает насильственное переселение кочевниками на свои территории ремесленников и земледельцев из покоренных оседлых обществ. При этом зависимое население обязано выплачивать дань продуктами земледелия и ремесла. В нашем случае появление металлургических поселков могло быть связано с обязательствами изготовления для сарматов железа. Именно такой вид повинности надежно зафиксирован письменными источниками.

Образование группы постзарубинецких памятников типа Рахны с металлургическими центрами органично вписывается в рассматриваемую реконструкцию взаимоотношений кочевников и оседлого населения бассейна Южного Буга и Поднестровья. Никогда раньше исследователи не обращали внимание на то, что эта группа постзарубинецких памятников находится на территории так называемого «царства» Фарзоя–Инисмея. Это кочевое объединение, тесно связанное с Ольвией, в I в. н.э. контролировало территории Северо-Западного Причерноморья и Поднепровья, и от его влияния вряд ли мог ускользнуть многочисленный массив оседлого населения, оставивший памятники типа Рахны и типа Лютеж.

Данную реконструкцию укрепляет один эпиграфический источник, также никогда раньше не привлекавшийся к постзарубинецкой проблематике. В эпитафии, написанной по случаю смерти легата провинции Мезии, фигурируют заложники из племени бастарнов, которых захватили враги. Лучшими претендентами на роль бастарнов эпитафии, на мой взгляд, являются обитатели поселков типа Рахны. Событиям и фактам, описанным в эпитафии, удачно и логично соответствуют обстоятельства развития постзарубинецкого населения горизонта Рахны–Почеп (bastarny), сарматы «царства» Фарзоя–Инисмея (захватившие заложников враги) и металлургические центры..

Южно-балтийский культурный импульс на территории Среднего Поднепровья в материалах древностей горизонта Рахны–Почеп представлен глазчатыми и единичными экземплярами других типов западных фибул, серией импортов, обнаруженных на Почепском селище и новыми приемами металлообработки.

На сегодняшний день известно 35 местонахождений глазчатых фибул разных вариантов к юго-востоку от их основного ареала в Южной Прибалтике. Такое количество находок укрепляет гипотезу о распространении данного элемента убора группами мигрантов из Южной Прибалтики. Через контактную зону постзарубинецкого горизонта Рахны–Почеп два экземпляра глазчатых фибул попадают к сарматам и оказываются в погребениях кочевников.

На основании проведенного исследования с мигрантами, принесшими глазчатые фибулы на территорию горизонта Рахны–Почеп, следует связать появление первых образцов новых бронзовых пластинчатых украшений и технологии их изготовления и орнаментации. Следы ремесленной мастерской Почепского селища и находки уникального металлообрабатывающего инструмента знаменуют появление новых традиций в ювелирном ремесле, связанных с началом распространения вещей круга выемчатых эмалей в Среднем Поднепровье.

Исследование показало значительность числа инокультурных элементов среди материалов постзарубинецкого горизонта Рахны–Почеп. При сравнительно небольшом количестве исследованных на сегодняшний день памятников с этим фактом невозможно не считаться. Выделенные и рассмотренные инокультурные элементы позволяют говорить о древностях горизонта Рахны–Почеп как о памятниках, сформировавшихся в результате активного взаимодействия нескольких этнокультурных традиций. По результатам исследования можно видеть, в чем проявились культурные импульсы, которые спровоцировали кризис классической зарубинецкой культуры, образование горизонта Рахны–Почеп и последующие процессы эволюции постзарубинецких древностей. Уточнение хронологии инокультурных элементов позволило выделить горизонт Рахны–Почеп, как особый период развития всего массива постзарубинецких древностей.

В итоге проведенного исследования может быть предложена вероятная реконструкция этнокультурных и политических процессов, которыми сопровождалось формирование горизонта Рахны–Почеп. К середине I в. н.э. новая «восточная» волна сарматских племен появляется в регионе Среднего Поднепровья. В результате военных столкновений кочевников с населением зарубинецкой культуры последняя утрачивает прежнюю структуру и перестает существовать в своем классическом виде. Покоренное оседлое население оказывается в даннической зависимости от сарматов. Его часть принудительно переселяется в регион Южного Побужья (памятники типа Рахны) – на территорию кочевого объединения, возглавляемого царем Фарзоем и контролирующего обширные пространства Северо-Западного Причерноморья, Среднего и Нижнего Поднепровья. Другая часть спасается бегством и расселяется в бассейне Десны (памятники типа Почепа). Ближе к концу I в. н.э. в регион Среднего Поднепровья и Подесенья проникают группы мигрантов из Южной Прибалтики, вливавшиеся в состав местного оседлого населения и оказывающие влияние на их формирующуюся культуру. Не исключено, что все эти культурные трансформации в среде и степного, и оседлого населения могли происходить на фоне глобальных климатических изменений и в какой-то степени были ими вызваны.

*Рекомендации* к дальнейшим исследованиям заключаются в пересмотре материалов старых коллекций и учете соотношения количества материала и исследованной площади постзарубинецких памятников. Также необходимо учитывать историко-культурные процессы, происходящие за границами территории постзарубинецкого горизонта Рахны–Почеп.

*Перспективы дальнейшей разработки темы* касаются внимания к элементам культур западно-балтского круга в материалах горизонта Рахны–Почеп и определении роли связанных с ними культурных импульсов в кризисе зарубинецкой культуры на территории Полесского и Верхнеднепровского вариантов классической зарубинецкой культуры. Также перспективным является исследование, направленное на объяснение причин возникновения и уточнение хронологических рамок существования новых групп постзарубинецких памятников на территории Днепровского Левобережья и Прихоперья, после исчезновения памятников горизонта Рахны–Почеп.

**Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях:**

*Статьи в ведущих рецензируемых журналах и изданиях, рекомендованных ВАК РФ:*

1. Воронятов, С.В. Постзарубинецкие памятники типа Рахны и их соотношение с сарматскими древностями бассейнов Южного Буга и Днестра / С.В. Воронятов // Российская археология. 2012а. №1. С. 69–81.
2. Воронятов, С.В. Постзарубинецкие хронологические горизонты (постановка вопроса) / С.В. Воронятов // Записки Института истории материальной культуры РАН. СПб, 2014а. № 9. С. 132–140.
3. Воронятов, С.В. Металлообработка Почепского селища: мастера культур западнобалтского круга и начальный этап стиля варварских выемчатых эмалей / С.В. Воронятов // Археологические вести. Вып. 20. 2014б. С. 189–204.

*Публикации в других изданиях:*

4. Воронятов, С.В. Планиграфия и домостроительство Почепского селища / С.В. Воронятов // Славянский мир Полесья в древности и средневековье. Материалы Международной историко-археологической конференции. Гомель. 2004. С. 28–33.
5. Воронятов, С.В. Металлургический центр Лютеж, сарматы и образование горизонта Лютеж-Рахны-Почеп: попытка интерпретации / С.В. Воронятов, В.Е. Еременко

// Производственные центры. Источники, «дороги», ареал распространения. Материалы тематической научной конференции. СПб, 2006. С. 88–93.

6. Воронятов, С.В. Ромб с крючками – сарматский след / С.В. Воронятов // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Тула, 2008а. Вып. 1. С. 341–366.

7. Воронятов, С.В. Сарматские тамги на памятниках лесной зоны России. Случайность или неизвестная закономерность? / С.В. Воронятов // Случайные находки: хронология, атрибуция, историко-культурный контекст. Материалы тематической научной конференции. СПб, 2008б. С. 103–109.

8. Воронятов, С.В. Прикубанье и Поднепровье на рубеже эр: некоторые параллели в моделировании взаимоотношений кочевого и оседлого населения / С.В. Воронятов // Пятая Кубанская Археологическая конференция. Краснодар, 2009а. С. 57–60.

9. Воронятов, С.В. О функции сарматских тамг на сосудах / С.В. Воронятов // Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем. СПб, 2009б. С. 80–98.

10. Воронятов, С.В. Египетский фаянс на поселенческих памятниках северной периферии античного мира / С.В. Воронятов // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2011. Вып. 12. С. 95–104.

11. Воронятов, С.В. О проблеме появления сарматских тамг и антропоморфных изображений в ареалах позднедьяковской и мощинской культур / С.В. Воронятов // Российский археологический ежегодник. СПб.: «Университетский издательский консорциум», 2012б. № 2. С. 412–432.

12. Воронятов, С.В. Рецензия. Раннеславянские миры... . Позднезарубинецкие памятники на территории Украины (вторая половина I-II в. н.э.). М. Институт Археологии РАН. М.: 2010. 329 с.) / С.В. Воронятов // Российский археологический ежегодник. СПб: «Университетский издательский консорциум», 2012в. № 2. С. 738 – 748.

13. Воронятов, С.В. «Плавильщики» царя Фарзоя / С.В. Воронятов, В.Е. Еременко // Варварский мир северопонтийских земель в сарматскую эпоху. Киев, 2013. С. 51–63.

14. Воронятов, С.В. Локализация бастарнов и некоторые другие проблемы элогия Тита Плавтия Сильвана Элиана / С.В. Воронятов // АСГЭ. 2013. № 39. С. 148–161.

15. Воронятов, С.В. Формы взаимоотношений кочевников с внешним миром в отражении ареалов сарматских знаков-тамг / С.В. Воронятов // Сарматы и внешний мир. Материалы VIII Всероссийской научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Уфимский археологический вестник. Уфа, 2014в. Вып. 14. С. 66–76.